

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания восьмой

2

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

жизнализованы в краевом масштабе; однако и на этих предприятиях местные совнархозы имели право контроля.

В результате изменений и реорганизаций, произведенных на основе нового Положения, к декабрю 1919 г. ЦСНХ ТАССР имел следующую структуру. Повседневное руководство деятельностью ЦСНХ осуществлял Президиум в составе председателя (избранного ТуркЦИКом), трех членов коллегии (утвержденных Президиумом ТуркЦИКа) и представителя ВСНХ; управляющий делами входил в состав Президиума с правом совещательного голоса. При Президиуме состояли: секретариат и протокольная часть; центральная бухгалтерия; управление делами, в которое входили общая канцелярия, справочно-информационное бюро, хозяйственная часть, а также редакция журнала «Народное хозяйство Туркестана».

При ЦСНХ действовали: отделы — юридический, финансово-экономический, организационно-контрольный и инструкторский, нормировки и снабжения, внешней торговли, кустарной промышленности, кооперативный, транспортно-складочный, городского и местного хозяйства, технический, химический, топлива, статистический; комитеты — экономической политики, государственных сооружений, изобретений, по делам обработки волокнистых веществ; управления — хлопковое, горное, полиграфическое, кожевенное, шерстяное, рыбной промышленности¹⁶. Отделы управлялись заведующими (или председателями), при которых имелись коллегии в составе представителей Пленума ЦСНХ и представителей заинтересованных учреждений и организаций.

К концу 1919 г. в ТАССР насчитывалось около 40 местных советов народного хозяйства, действовавших под руководством ЦСНХ.

Большую помощь в налаживании деятельности экономических органов края оказали партийные и советские работники, прибывшие в составе Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, направленные для оказания помощи Туркестану в укрепле-

нии советского государственного аппарата и реализации декретов центра. По решению Президиума ВСНХ в Турккомиссию были включены и опытные хозяйственные работники. 3 октября 1919 г. на заседании представителей ВСНХ и Турккомиссии было утверждено «Положение об организации ВСНХ в Туркестане» и направлено ходатайство в Оргбюро ЦК РКП «увеличить состав Комиссии по делам Туркестана до семи человек, включив в нее Любимова и Кактыня. Возложить руководство работой ВСНХ Туркестана на гг. Элиава, Любимова и Кактыня»¹⁷.

Таким образом, центральное Советское правительство оказывало Туркестану не только большую материально-техническую помощь, но и направляло сюда опытных работников для налаживания экономической и политической жизни края, выдержавшего тяжелую, длительную блокаду, бешеный натиск вооруженной контрреволюции.

ВСНХ и местные советы народного хозяйства, в том числе совнархозы Туркестанской АССР, сыграли огромную роль в мобилизации экономики страны для разгрома объединенных сил внутренних и внешних врагов Советской власти в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Руководимые опытными партийными, советскими и хозяйственными работниками совнархозы, развивая творчество и инициативу широких масс, активно участвовали в национализации и налаживании работы промышленных предприятий, транспорта и других важнейших отраслей экономики, а также в развертывании социалистических преобразований народного хозяйства.

Глубокое исследование и освещение истории создания и деятельности первых совнархозов имеют важное значение не только для нашей страны, где ныне действует широкая сеть советов народного хозяйства экономических районов, но и для всех стран, вступивших на путь строительства социализма.

М. С. Багдалова

НЕИЗВЕСТНЫЕ РУССКИЕ РУКОПИСНЫЕ КАРТЫ КОНЦА XVIII ВЕКА КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УЗБЕКИСТАНА

Русские картографические материалы прошлого, довольно точно и наглядно фиксирующие различные географические объекты, позволяют проследить историю развития как самой картографии, так и географических представлений о той или иной части территории России и прилегающих к ней стран. Древние чертежи, а также карты XVII—XVIII вв. были уни-

версальными в том смысле, что на них, помимо чисто географических объектов, показывались административно-территориальное деление, направления торговых связей и путей сообщения; приводились данные о географических открытиях, местах добычи полезных ископаемых, военных операциях и т. д. Следовательно, старинные русские рукописные карты

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 155, л. 245—246.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 3429, оп. 1, д. 1093, л. 162.

представляют собой немаловажный источник дополнительного материала для любого серьезного исследования об историческом прошлом нашей страны.

В ноябре 1958 г. один из авторов этих строк (Р. Л. Югай), работая в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), обнаружил в фондах Военно-ученого архива (ВУА) старинные русские рукописные карты в делах №№ 24696 и 24697.

В деле № 24696 имелось три карты. Одна из них носит название: «Карта, представляющая путь в 1794-м году сержантов Безносикова и Бурнашева от крепости Троицкой до города Бухара и обратно в 1795-м году до крепости Орской с принадлежащими около города Бухара владениями»¹. Название карты дано в нижнем правом углу, а далее (за пределами рамки) подписано: «Копировал инженер юнкер Игнатъев».

Время составления и автор карты не указаны. Карта вычерчена на одном листе александрийской бумаги размером 62 × 70 см. Проекция — равноугольная Меркатора. Масштаб дан в российских верстах; карта снабжена градусной сетью, однако цифровые обозначения градусов не помечены.

Две другие карты под тем же номером, видимо, вычерчены одним лицом: одна из них представляет черновой вариант, а другая — окончательный, беловой. На черновом варианте нет, например, градусной сети, а в легенде, помещенной в правом верхнем углу, сделаны исправления. Кроме того, обозначения сопредельных с Россией среднеазиатских стран выполнены несоразмерно большими буквами, заслоняющими остальные надписи. На беловом экземпляре указанные недочеты устранены. Легенда карты представлена в виде развернутого листа бумаги, увенчанного фигурой орла, с надписью: «Карта, представляющая путь унтер-офицера Безносикова в 1794 году с унтер-шихмейстером Бурнашевым до города Бухара из крепости Троицкой и обратно в 1795 году до крепости Орской. В 1796 году при подпорутчике Телятникове до города Ташкента из форпоста Семиярского и обратно в 1797 году до форпоста Коряковского, с принадлежащими около Бухара и Ташкента владениями». В нижнем правом углу карты подписано: «Генерал-лейтенант Штрандман». Во всех остальных деталях эти карты абсолютно идентичны.

Карта из дела № 24697 имеет больший размер — 148 × 144 см; изготовлена также на александрийской бумаге без надписей. Градусная сеть и масштаб карты не помечены. На ней тоже нет подписи составителя и даты изготовления,

но в нижнем правом углу (вне рамки) подписано: «Копировал квартирмейстерского чина подпорутчик Форафонов». По названию карты видно, что она также имела специальное назначение, изображая маршрут Безносикова и Бурнашева в 1794—1795 гг.

Верхняя (северная) часть наших карт, пограничная с Сибирской линией, занята «Степью кочующих киргис-кайсаков», которая граничит на востоке с «частью Китайского государства»². На юге «Степь» сопредельна с «владением каракалпаков» (между низовьями Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи) и «частями» Хивинского и Бухарского владений. К востоку от Бухары, в бассейне Сыр-Дарьи, обозначены «Ходжанское владение», Ташкенское владение и «часть Куканского владения». Между р. Тамачь на востоке и Ташкентским владением на западе находится «Обитание каменных киргисцев».

Изображение рельефа, как, впрочем, и на всех картах XVIII в., дано весьма примитивно. Горы показаны перспективно, в виде конических холмиков, расположенных одиночно или группами, вытянувшись в ряд, причем соблюдены основные направления горных цепей. Равнины и плоскогорья не выделены; пески показаны точками, как и на современных картах.

На картах под № 24696 нанесены главным образом горы в пределах современного Казахстана. Горные системы, опоясывающие Ферганскую долину с севера и востока, изображены одним меридиональным хребтом (без надписи). Северная часть этого хребта представляет, по видимому, Каратау, на котором указаны вершины: «камень Саускан» и «камень Бир исек минь жили», а между ними — «медной рудник». Крайне упрощена схема хребтов современной Киргизии. Хребты Западного Тянь-Шаня также показаны недостаточно полно и верно. Горы здесь расположены между 37°30' с. ш., что примерно соответствует расположению западных отрогов Гиссарского, Зеравшанского и Туркестанского хребтов. Однако горная цепь, проведенная от «Шарсабыза» (Шахрисабз) через Каршинскую степь (вдоль Аму-Дарьи) до Каракульского оазиса, в действительности не существует.

Кроме гор, на картах отмечены все основные песчаные пространства Казахстана и Средней Азии (пески вокруг оз. Балхаша, Мулюкумы, Приаральские Каракумы). В центральной части Кызылкумов отмечены древние горные массивы, лежащие на пути следования Безносикова и Бурнашева. Отдельные вершины кы-

¹ Надписи здесь и далее даны по оригиналу карты, а в скобках указаны современные названия и предположения авторов.

² Ограниченный объем статьи не позволяет нам проанализировать здесь все географические объекты, нанесенные на карты, и они рассматриваются только в пределах Узбекистана.

зылкумских гор (с севера на юг) расположены в следующем порядке: «камень Каратау» (за Яндыарьей), гора «Балапан» или «Балатан» (по карте № 24697), гора «Биштубе», далее «камень Иллер» и камень «Капкаташ, в которой прежде бухарцы получали руду»; между этими камнями обозначен «рудник» и, наконец, на самом юге показана вершина «камень Пыкпылдык». На копиях Игнатьева и Форафонтнова нанесены также наиболее важные колоды и ключи (родники). Вполне понятно, что в условиях безводной пустыни они вызвали у путешественников особый интерес и, естественно, должны были быть зафиксированы на картах. На участке Биштубе — Бухара помечены колоды: «Букан, Юс-кудук, Бишбулак, Каракан», а к северу от «Иждуван» (Гиждувана) указаны «Пещаной бугор из-под которого протекает теплый ключ».

Самой интересной надписью, сделанной во внутренних частях пустыни, будет, пожалуй, надпись «Пески Кызыл кум», или «Красный песок, а по киргизски Кызыл кум». Пустыня под этим названием обозначена на картах из дела № 24696 к северу от колодца Букан, между 43 и $44^{\circ}30'$ с. ш. и изображена локально, в виде выполненного точками четырехугольника. Характерно, что вся географическая номенклатура русских рукописных карт, нанесенная в пределах Центральных и Юго-Западных Кызылкумов, как и само название «Кызыл-кум», впервые получила отражение именно на рассматриваемых нами картах №№ 24696 и 24697.

Несколько слов о гидрографической сети наших карт. Аральское море изображено здесь, как и на всех картах добутовского периода, с некоторым искажением. Сильно искажена береговая линия западной части моря (здесь к тому времени еще не были произведены съемочные работы). Восточная же часть, как известно, была заснята геологом Иваном Муравинным в 1741—1743 гг.

Реки Аму-Дарья и Сыр-Дарья показаны на картах своими средними и нижними течениями. Сыр-Дарья разветвляется в низовьях на три протока: русло самой реки, Кувандарья и Ягадарья (Яндыарья, Жанадарья). В среднем течении Сыр-Дарья принимает реки Чирчик, Келес, Бадам, Бугунь и др. На копии Игнатьева параллельно Сыр-Дарье показаны Кызыл-Дарья и несуществующая река Крессель. Здесь отмечен один населенный пункт — «Самин» (Заамин). Река Зеравшан под названием Куак (на других картах XVIII в. — Куган, Сога, Куан дарья) нанесена вполне правильно. Параллельно Зеравшану течет река Ауш (Кашка-Дарья), на ней стоит город Катши (Карши).

Эти старинные карты представляют собой также ценный источник по истории

и археологии Узбекистана. Так, на картах (особенно на черновом варианте № 24696) отмечены некоторые археологические памятники³, описанные более подробно в письменном отчете Т. С. Бурнашева⁴. Он (видимо, не без влияния Г. Штрандмана) первым обратил внимание не только на историко-архитектурные, но и археологические памятники пустыни Кызылкумов и Бухарского оазиса.

«Бухарцы, — писал Т. С. Бурнашев, — производят свое начало из глубокой древности. Они утверждают, что земляные пригорки (тепе. — Г. П.), находящиеся на равнинах и низких местах Бухарии, сделаны предками их по время еще всемирного потопа, с тем намерением дабы спастись на них от наводнения, которое по пророчеству их не могло быть выше сорока аршин»⁵.

Сам Бурнашев полагал, что «сии пригорки остались от прежнего населения Бухарии, на которых знатнейшие люди имели свои дома, подобно тому и нынешний дворец Бухарского хана построен на искусственной горе». Эти пригорки, пишет он далее, «находятся при развалинах семи городов (Джеты-кала)⁶ и вообще в тамошних Азиатских областях (замки — усадьбы — тепе. — Г. П.) строятся на

³ Ими, вероятно, интересовался генерал Штрандман, занимавшийся археологией. Он-то и давал, надо полагать, своим подчиненным, направляемым в Среднюю Азию, задания по изучению памятников старины. О Штрандмане как археологе писал акад. П. И. Кеппен в примечаниях к одному из писем Н. Ф. Глинка (см. «Журнал Министерства внутренних дел», 1836, ч. XIX, стр. 367). При этом он ссылаясь на рукопись Штрандмана „Allg. Bemerkungen über die alten Grabhügel oder Kurgane inis Rusland und Sibirien“ (ныне она хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве).

⁴ Т. С. Бурнашев, Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г., Сибирский вестник, СПб., 1818, ч. I, стр. 63—64.

⁵ Предание это в упрощенном варианте повторяло сказание жителей Ирана о всемирном потоке (См. Абу Рейхан Бирунни, Избранные произведения, т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 35).

⁶ Вот как описывает Т. С. Бурнашев развалины Джеты-кала: «Недалеко от правого берега Кувандарьи в степи видны древние развалины Джеты-кала, суть остатки семи городов, но вероятно одного города, разделенного на части оградой или рвами. Джеты-кала принадлежала каракалпакам и была разорена их соседями» (Т. С. Бурнашев, указ. соч., стр. 44).

пригорках, состоящих из наношенной земли»⁷.

На карты нанесены «Джеты-кала» или «Развалины древнего Азиатского строения называемого Джеты-кала»; «Девичья гора», или «Кыз-кала»; замок «Кок-кулак» и др. В книге Бурнашева сказано, что южнее Букантау на одной из вершин путешественникам встретились развалины Кыз-кала. «Этот «замок», — пишет он, — по легенде построила дочь одного из Азиатских правителей, убежавшая со своим возлюбленным от родителей»⁸.

На рассматриваемых картах были впервые показаны маршруты поездок Д. Телятникова, совершенных для ознакомления с экономикой Ташкентского владения. На черновые варианты карт №№ 24696 и 24697 нанесены также историко-археологические памятники — развалины Туиката и Бинкета⁹.

Все описываемые здесь карты были составлены на Сибирской линии. На них показаны маршруты офицеров этой линии, а на одной из карт (№ 24696), как уже отмечалось, стоит подпись генерал-лейтенанта Густава Штандмана, командовавшего Сибирским корпусом в 1794—1796 гг.

Нам долго не удавалось определить истинного автора этих карт и точно установить дату их составления¹⁰. В последнее время благодаря изысканиям Ю. А. Соколова, обнаружившего «Всеподданнейший рапорт» Г. Штандмана от 22 сентября 1797 г., стало известно имя составителя наших карт. Им оказался унтер-офицер (сержант) Алексей Севастьянович Безносиков, участник экспедиций 1794—1795 гг. в Бухару и 1796—1797 гг. в Ташкент (вместе с Д. Телятниковым).

В рапорте Штандмана сказано: «...Доставили они (Телятников и Безносиков. —

Р. Ю.) сведения вышеупомянуемой Ташкентской области, отобранное от них объявление, а равно и карту бывшего их последования в Ташкенту с показанием в ней урочищ и с присовокуплением тракта лежащего в Бухарию, по коemu был прежде послан унтер офицер Безносиков сочиненную самим им присем щастие имею также всеподданнейше Вашему Императорскому Величеству представить»¹¹.

Таким образом, «Объявление», «Всеподданнейший рапорт» и карты А. С. Безносикова были отправлены Штандманом в Петербург. Из рапорта видно, что карта была создана после экспедиции Д. Телятникова, однако в нее включены и материалы Бухарской экспедиции 1794—1795 гг. Исходя из того же рапорта, можно предположить, что А. С. Безносиков во время обеих экспедиций занимался картированием пройденного пути.

Теперь, когда установлен автор карт, можно уточнить и время окончательного оформления этих карт. По данным Ю. А. Соколова¹², Телятников и Безносиков выехали из Ташкента в июне 1797 г. и прибыли в Омск в августе того же года. 22 сентября 1797 г. оба путешественника выехали вместе с прибывшими с ними ташкентскими посланцами в Петербург, захватив с собой указанные выше документы. Подпись Штандмана на беломом экземпляре карты № 24696 могла появиться незадолго до отправки карты в столицу.

Приведенные данные позволяют утверждать, что описываемые карты были окончательно оформлены к сентябрю 1797 г. Дальнейшее изучение их представляет большой интерес для исследователей, занимающихся исторической географией, историей и археологией Средней Азии.

Г. В. Парфенов, Р. Л. Югай

⁷ Т. С. Бурнашев, указ. соч., стр. 63—64.

⁸ Там же, стр. 47.

⁹ Туикат, или Тункент, находившийся в долине р. Ангрен, и раньше отмечался на западноевропейских картах. (См. Н. Л. Корженевский, О старинных картах, хранящихся в Узбекстанском филиале АН СССР, Известия УзФАН СССР, 1941, вып. 3, стр. 67—75).

¹⁰ В опубликованных нами ранее статьях время составления карт предположительно определялось 1798 г. (см. Р. Л. Югай, О географическом изучении пустыни Кызылкум в связи с ее топонимикой, Известия Узбекстанского филиала

Всесоюзного географического общества, т. V, Ташкент, 1961; Новые историко-географические данные о русских путешествиях в Коканд в начале XIX века, Труды Института истории естествознания и техники АН СССР, т. 42, М., 1962).

¹¹ АВПр, ф. Ташкентские дела, д. 3. Пользуясь случаем, приносим глубокую благодарность Ю. А. Соколову за предоставленную нам фотокопию «Всеподданнейшего рапорта» Г. Штандмана.

¹² Ю. А. Соколов, Первое русское посольство в Ташкенте. Вопросы истории, 1959, № 3, стр. 166—177.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Учинчи йил нашри

6
1966

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания десятый

решался общесоюзными органами по инициативе из Туркестана. Это соответствовало интересам пролетарской диктатуры, требовавшим укрепления социалистической законности.

В. И. Ленин указывал, что коммунисты должны быть неуступчивы и непримиримы «по отношению к основным, коренным, одинаковым для всех наций вопросам пролетарской борьбы, вопросам пролетарской диктатуры...»¹¹.

Этими принципами и руководствовались в своей законодательной деятельности государственные органы ТАСССР. Общефедеральные законы изменялись, отменялись или приостанавливались на территории автономной республики лишь в том случае, если это соответствовало интересам укрепления и развития революционных преобразований в республике.

В условиях Средней Азии большого такта и терпения требовала, например, работа с отсталой частью населения, находившейся

под влиянием мулл. Учитывая местные особенности, Советская власть в Туркестане временно оставила суды казиев и биев, религиозные школы — мактабы и медресе, которые упразднились постепенно, по мере роста политического сознания масс, повышения авторитета советского суда и новой, советской школы.

Многие особенности местных условий республики нашли свое отражение в Конституциях ТАСССР 1918 и 1920 гг., в резолюциях и решениях съездов Советов, постановлениях ТуркЦИКа и ТуркСНК.

Таким образом, изучение деятельности законодательной власти Туркестанской республики показывает, что Коммунистическая партия, претворяя в жизнь ленинские принципы национальной политики, проделала огромную работу по созданию и развитию национальной советской государственности народов Туркестана и привлечению их к непосредственному управлению государством, к активному участию в строительстве социализма.

В. Маннанов

¹¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 46.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ТАШКЕНТА

Исследование городов, их исторической топографии и процесса развития городской жизни — одна из актуальных проблем исторической науки. Большой интерес в этом отношении представляют города Средней Азии.

Для изучения развития городов могут быть использованы, в частности, такие элементы топографии, как места захоронений.

В. А. Шишкин считает, что кладбища находились за городскими воротами и, таким образом, намечали границы древних городов¹. Так, по расположению кладбищ он определил очертания древней части Бухары. О. А. Сухарева приводит многочисленные факты, свидетельствующие о наличии в Бухаре и традиции захоронения внутри города, даже внутри дворов². Изучив данные о кладбищах и мазарах г. Бухары конца XIX — начала XX в., сопоставив их с другими источниками, она также установила границу города периода, предшествовавшего постройке последней стены (XV — начало XVI в.).

В работе, посвященной прошлому Ташкента, М. Е. Массон намечил предполагаемую границу внутреннего рабада, тоже, очевидно, по расположению кладбищ. Он высказал мнение, что одно из крупных ташкентских кладбищ — Шейхантаур, которое

в XX в. оказалось в центре города, образовалось за восточными воротами средневековой городской стены внутреннего рабада³. Еще в XIV—XV вв. оно находилось за чертой города. Археологическое обследование прилегающей территории показало, что «это место никогда не было густо заселено. Исходя из характера слоев, можно полагать, что здесь были сады и усадьбы»⁴.

Наши опросные данные подтверждают это предположение. Еще в XIX в. этот район города по характеру заселения отличался от старых его частей.

Погребение умерших на специально отведенных земельных участках за городскими стенами применялось у разных народов с древних времен, а затем в процессе роста городов кладбища оказывались в черте города. Так было и в Средней Азии. В Ташкенте, например, имелось свыше 30 кладбищ. При постройке последних городских стен кладбище Шейхантаур также оказалось в черте города, недалеко от ворот, получивших одноименное название. В XVIII в. это название перешло и на одну из четырех частей (даха) города⁵.

Шейхантаурское кладбище изучено и описано в связи с исторической топографией этого района города⁶. Нам хотелось бы

¹ В. А. Шишкин, Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1938, стр. 18.

² О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 43.

³ М. Е. Массон, Прошлое Ташкента, Известия АН УзССР, 1954, № 2, стр. 115. См. там же схему плана города, стр. 127.

⁴ З. А. Альхамова и др., Историко-археологическое изучение мавзолея Юнус-хана в Ташкенте, Труды САГУ, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 181.

⁵ М. Е. Массон, указ. статья, стр. 115; З. А. Альхамова и др., указ. статья, стр. 181.

⁶ Там же, стр. 181.

дополнить эти сведения этнографическими материалами, которые позволяют осветить некоторые изменения в топографии города после присоединения его к России, а также традиции пользования общественными кладбищами.

В большинстве европейских стран (Франция, Англия и др.) в XIX в. появились законодательные акты, запрещающие хоронить внутри городов. Аналогичное запрещение существовало в этот период и в России⁷. Колониальные власти Туркестана также решили перенести все кладбища Ташкента за город. В 1891 г. было закрыто 21 кладбище, в 1892 г. — 12, а в 1894 г. — все остальные. Взамен их было открыто 11 новых кладбищ за городской чертой общей площадью 50 десятин⁸.

До конца XIX в. каждая часть Ташкента имела свои кладбища. Они располагались внутри города, между домами. Внутри домовладений могилы встречались как исключение (в отличие от Бухары, где захоронения во дворах были широко распространены)⁹.

Следует отметить, что и в Венгрии кладбища располагались в городах, но, по обычаю, умерших членов семьи хоронили при доме, в конце сада¹⁰.

Территория старого Шейхантаурского кладбища была поделена на участки между входившими в эту часть города кварталами. Семьи, истарии жившие в кварталах, имели на этих участках свои места погребения (хил-хона), где хоронили только близких родственников.

Право на семейные кладбища сохранялось и за их владельцами, выехавшими в другие части города. Территория родовых кладбищ почти не расширялась. Поэтому умерших нередко хоронили в старых могилах или в склепах (сагона), которые возводились один над другим.

Бешагачская часть города имела четыре кладбища: два за городской чертой и два внутри ее. Самым древним из них считалось

Яланг-кари — в квартале Караташ. Когда его переносили на новое место, вспоминают информаторы, было обнаружено семь-восемь слоев останков погребенных. Другое кладбище — Куш-мазар — находилось недалеко от Чорсу, в квартале Сирли-мачит. Самое большое кладбище Алам-Бардар располагалось у ворот Камалан. Коренные жители города называли его Ходжалар-Дарбува. Крупным было также кладбище Бури-джар, за воротами Бешагач. Когда были запрещены захоронения внутри города, жители этой части стали хоронить умерших на двух последних кладбищах. Позже территория Бури-джара была отведена под застройку, а Ходжалар-Дарбува стало основным кладбищем Бешагача, которое существует и поныне.

В Кукчинской части было три кладбища: два внутри стен, одно — за воротами. В квартале Лангар было большое кладбище Катта-мазар, а в квартале Каллахана — Кабс-ота, где хоронили погибших во время традиционных кулачных баев на площади Джангоб¹¹. Главным здесь было кладбище Шейх-Зиддин-Бува (за Кукчинскими воротами), где находился почитаемый мазар (аулие) этого «святого». Оно действует и поныне.

В Сибзарской части было четыре кладбища. Самое древнее из них — Вой-Вой ота — располагалось в квартале Чимзор. На кладбище в квартале Ков-ота хоронили умерших из нескольких соседних кварталов. Самым крупным в этой части было кладбище Хасты-имам (Хазрати Имам), помешавшееся около одноименного мазара. Хоронить на нем перестали с конца XIX в. Сохранился лишь мавзолей Хасты-Имам, взятый под охрану государства как архитектурный памятник. За воротами Тешик-капка находилось одноименное кладбище, которое стало основным в Себзарской части.

В Шейхантаурской части также было четыре кладбища. Небольшое кладбище в квартале Магол-куча образовалось вокруг могилы, считавшейся местом захоронения первого прищельца этого квартала¹². В квартале Гишт-мачит тоже существовало некогда кладбище, о котором местные жители знают лишь со слов отцов и дедов¹³.

Недалеко от стен шахристана находилось второе кладбище — Ходжа-Рушнои, счи-

⁷ И. С. Корякин, Городские кладбища, журн. «Гигиена и санитария», 1946. № 6, стр. 161.

⁸ И. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1912, стр. 185.

⁹ И. Т. Пославский, Бухара. Описание города и ханства, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, XVII, Ташкент, 1891, стр. 78; О. А. Сухарева, указ. соч., стр. 42. При опросах старожилов Шейхантаурской части только один сообщил об известном ему случае захоронения внутри двора. Другой информатор сказал, что он не знает случаев захоронения во дворах домов в Ташкенте и сообщил лишь об одном захоронении внутри двора 105-летнего старика в г. Маргилане.

¹⁰ Иван Балашша, О венгерских кладбищах, Будапешт, 1899, стр. 201.

¹¹ См. об этом О. А. Сухарева, Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане (конец XIX — начало XX в.), Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XXX, стр. 127.

¹² Сведения о нем не сохранились.

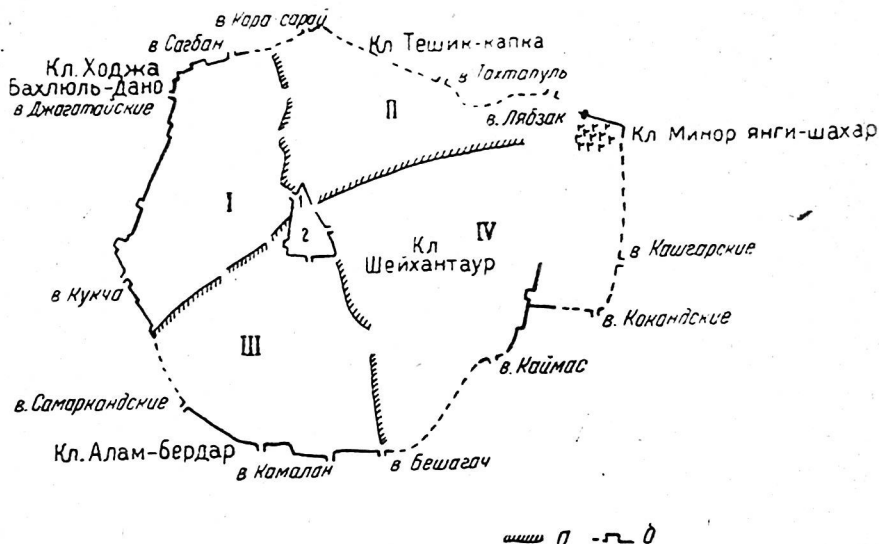
¹³ По мнению Я. Г. Гулямова, это кладбище было самым древним в изучаемой части города. Оно находилось непосредственно за стеной шахристана. Ныне на этом месте построена школа № 42 им. Чапаева.

тавшееся мазаром (аулие)¹⁴. По поверью, здесь был похоронен святой Девона-Бурх¹⁵. В конце XIX в. здесь хоронили умерших жителей квартала Ходжа-Рушно и соседних махалля. Сейчас на этом месте построен техникум.

В квартале Дегрез находилось небольшое кладбище, где хоронили умерших только из этого квартала.

считают находившийся на этом кладбище мазар Калдыргач-бей. Там были и другие древние мазары, с которыми связаны различные поверья¹⁸. К более позднему времени относится мавзолей Юнус-хана (XVI в.), сохранившийся и доныне.

Шейхантаурское кладбище занимало территорию в 10—12 тананов. Оно было окружено стеной из жженого кирпича. Одни

Историко-топографическая схема г. Ташкента.

I — Кукчинская часть, II — Сибзарская часть, III — Бешагачская часть, IV — Шейхантаурская часть; 1 — арк, 2 — шахристан; а — границы частей города, б — внешняя стена города 30-х годов XIX в. (М. Е. Массон, Прошлое Ташкента, Известия АН УзССР, 1954, № 2, стр. 127).

Главным в этой части города было кладбище Шейхантаур. Оно располагалось вокруг могилы «святого» Шейхантаура (Шейх-Хавенд-Тахур, XIV в.)¹⁶. Мазар этот считался одной из важнейших святынь Ташкента. Мы не можем утверждать, что захоронение этого «святого» положило начало образованию кладбища. Вероятно, оно существовало и ранее¹⁷.

Наиболее древней могилой ташкентцы

ворота выходили к кварталу Дархан, вторые — к кварталу Кудукбаши, третьи — главные, называвшиеся Фатиха-дарваза, вели к самому мазару. Особое приватное сооружение в виде портала было возведено со стороны улицы Тош-куча (теперь ул. Навои). Над большими воротами портала находилось помещение для музыкантов (нагорахана). Ворота были сделаны в 1892 г. ташкентским мастером Уста Абд-аль-Рахимом, сыном Уста Абдуллы¹⁹. От портала к воротам кладбища вела небольшая улица с торговыми лавками. Дальше находилась площадь, окруженная чайханами, на которой проходили народные гуляния (сайил).

На территории кладбища, вблизи ворот Фатиха-дарваза, имелось специальное помещение для сорокадневного поста (чилья-хана). По преданию, его соорудил потомок Шейх-Хавенд-Тахура, известный Ходжа

¹⁴ Я. Г. Гулямов считает, что оно возникло после кладбища Гишт-мачит.

¹⁵ Девона Бурх — популярный в прошлом «святой», мазары которого имелись во многих местах. См. Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, М.—Л., 1936, стр. 18.

¹⁶ А. А. Семенов, Ташкентский Шейх-Хавенд-Тахур («Шейх-антаур») и приписываемый ему «кулях», ПТКЛА, год XX, Ташкент, 1915, стр. 25—31.

¹⁷ Появление кладбища М. Е. Массон относит к XIV в. (см. указ. статья, стр. 183). По мнению Я. Г. Гулямова, Шейхантаур считалось третьим по времени образования крупным кладбищем исследуемой части.

¹⁸ Куктулли-ота, Кучкарли-ота, Тилисмон-ота, Кабс-ота и др.

¹⁹ М. Е. Массон, указ. статья, стр. 116; там же, План Шейхантаурского кладбища, стр. 128.

Ахрар. Перед мазаром находился закрытый с трех сторон айван (зияратхана), где паломники совершали свои молитвы.

Со временем территория кладбища расширялась, к ней присоединялись новые участки. Так, часть кладбища, которая стала местом захоронения жителей квартала Хадра, была куплена крупным богачом Саид-Азимбаем, построившим здесь мечеть.

В конце XIX в. Шейхантаурское кладбище, как мы уже отмечали, было закрыто. Новое кладбище этой части было устроено в местности Минор Янги Шахар, вошедшей в состав города в сравнительно более позднее время²⁰. Ранее эта местность была занята байскими садами. Территория нового кладбища была также поделена между кварталами, а участки каждого квартала разбиты на отдельные хилхана.

Наличие особых кладбищ в каждой из четырех даха Ташкента подтверждает значительную обособленность этих частей города, которые, как известно, были административно самостоятельными, имели от-

дельных правителей и казиев. По-видимому, в этом проявлялись многовековые традиции. Традиционным было и наличие отдельного участка кладбища у каждого махалля, в жизни которых сохранялись известные пережитки общины²¹. В Ташкенте общинные связи проявлялись сильнее, чем это отмечено О. А. Сухаревой в Бухаре²². Жители кварталов имели общинные земли в загородных местах, которые только в конце XIX — начале XX в. начали переходить в частную собственность. Общинными были и городские кладбища.

Черты старой планировки Ташкента, идущие от средневекового Шаша, все более исчезают при реконструкции города. Изучение их расширяет наши познания в области истории столицы Узбекистана и дает представление о некоторых особенностях городского быта далекого прошлого.

М. Рузиева

²⁰ Этим и объясняется название местности «Янги Шахар» («Новый город»). Термин «Минор» (башня, минарет) вошел в это название потому, что здесь находилась возвышенность (тепа), на которой раньше имелось небольшое глиняное помещение — «Минора». По преданию, в ханские времена оттуда следили за приближением противника.

²¹ О. А. Сухарева, Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в., Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Ташкент, 1962, стр. 39.

²² О. А. Сухарева, Быт жилого квартала города Бухары в конце XIX — начале XX в., Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XXVIII, 1958, стр. 36.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙЙ ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1985

6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Иноятулла Бухари (ум. в начале XVIII в.) был современником Субханкули-хана (1091=1680—1114=1702), более известен под именем Ахунд Шейх.

Взгляды его формировались под влиянием трудов таких среднеазиатских мыслителей, как Хусейн ал-Халхали, Юсуф Карабаги, Мухаммад Шариф⁹. Кроме творческой деятельности, мыслитель занимался перепиской ценных книг¹⁰. Известно также, что он сам был хранителем ценных рукописей¹¹.

Перу Бухари принадлежат следующие сочинения: «Хашият-и Ахунди Шайх бар шархи хикмат» («Глоссы Ахунда Шейха к комментарию мудрости»), «Хашия аля хашият шархи-т-тахзиб» («Глоссы глосс к комментарию «исправления»»), «Хашият аля шархи ал-акаид ал-Адудиййа» («Глоссы к комментарию на адуdivы взгляды»), «Хашият тафсири ал-кази ал-Байзави» («Глоссы к толкованию кази ал-Байзави»), «Хашият Ахунд Шайх бар шархи Мулло» («Глоссы Ахунда Шейха к комментарию мулло»).

Большой интерес с точки зрения определения уровня развития философской мысли в Средней Азии в исследуемую эпоху представляют и труды таких известных в свое время людей, как Мирза Захид ал-Харави и Хусейн ал-Халхали.

Мирза Захид ибн Мухаммад Аслам ал-Харави (ум. в 1101=1690 г.) оставил после себя следующие труды: «Ал-хашия ал-кубра аля шархи мавакифи Саййид» («Крупнейший глоссарий к комментарию стоянок Саййида»), «Хашия-и шархи тахзиби ад-Даввани» («Глоссарий к комментарию Даввани на «исправление»»), «Хашия аля шархи рисалат ат-тасаввур ва ат-тасдикмаъмула» («Глоссарий к комментарию на трактат о представлении и утверждении — действующий»), «Таълика аля мабхас умури-л-амма» («Примечание к исследованию общих вопросов»).

Хусейн ал-Халхали ал-Хусейни. В различных источниках приведено пять названий его трудов: «Рисала фи-л-акаид» («Трактат о догматах»), «Шархи рисалат исбати-л-ваджиб» («Комментарий к трактату «подтверждение необходимого»»), «Хашия аля шархи-т-тахзиб ли-д-Даввани» («Глоссы к комментарию Даввани на «исправление»»), «Таълики Халхали бар шархи Адудиййа» («Примечания Халхали к адуdivому комментарию»), «Шархи хуласат ал-хисаб» («Комментарий к краткому изложению арифметики»).

Глубокое изучение этих и других источников, безусловно, существенно расширит наши представления о развитии общественно-философской мысли в Средней Азии позднего средневековья, о происходившей в ней борьбе идей, о конкретных носителях философской мысли и др.

М. Н. Нуриддинов

⁹ См.: СВР, т. IV, с. 368—369.

¹⁰ См.: СВР, т. I, с. 442.

¹¹ См.: СВР, т. II, с. 189.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

ПЛАНЫ ГОРОДОВ БУХАРА И ТУРКЕСТАН XVIII ВЕКА

В архиве Академии наук СССР в Ленинграде хранится до сих пор лишь отчасти введенный в научный оборот материал, вышедший из-под пера немецкого врача Даниэля Готтлиба Мессершмидта «Sibiria perlustrata seu Pinax triplicis naturae regni simplicium octo annorum...»¹ Он содержит краткий отчет Д. Г. Мессершмидта о его путешествии через Сибирь, предпринятом по приказу Петра I в 1720—1727 гг.

Там же² хранятся дневники Д. Г. Мессершмидта, которые были опубликованы на немецком языке в начале 60-х годов³.

К «Sibiria perlustrata...» относится также тетрадь «Curiosa Sibiriae...», включающая более 40 л. археологических рисунков и карт, выполненных Д. Г. Мессершмидтом. В их числе имеются и планы двух городов — Бухары и Туркестана.

Туркестан Д. Г. Мессершмидт действительно мог посетить во время своего путешествия. В Бухаре же он никогда не был. На плане город изображен в виде прямоугольника. Отмечены базар, медресе и арк. Туркестан представлен на плане с явным нарушением пропорций. Показаны многочисленные улицы, караван-сарай, большое число колодцев. Рядом с планом города — печать некоего Табакуль Маамета (Мохамеда?) Бутурхана.

¹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 98, оп. 1, д. 22.

² Там же, д. 1—5.

³ Мессершмидт Д. Г. Экспедиция в Сибирь в 1720—1727 гг. Берлин, 1962 (на нем. яз.).

Почему оба плана находятся в трудах Д. Г. Мессершмидта, пока точно установить невозможно (похоже, что ссылок на них в тексте нет). Возможно, что последующие изыскания позволят пролить дополнительный свет на эти исторические документы*.

Б. Брентьес

* От редколлегии. В прошлом материалы сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта находились в разрозненном состоянии. Они были воссоединены лишь в 1931 г. Планы Туркестана и Бухары были впервые опубликованы в работе: Труды Архива. Вып. 4. Материалы по истории экспедиции Академии наук в XVIII и XIX веках (Хронологические обзоры и описание архивных материалов). Составила В. Ф. Гнучева. Под общ. ред. акад. В. Л. Комарова. М.—Л., АН СССР, 1940. На с. 26 помещен рукописный план г. Туркестана из материалов Д. Г. Мессершмидта, с надписями и пометками его рукой, на с. 27 — план г. Бухары; на с. 28 описывается состав фонда Д. Г. Мессершмидта, причем никаких упоминаний о Средней Азии нет.

Мы надеемся, что проф. Б. Брентьесу удастся выяснить историю происхождения этих планов и их включения в материалы экспедиции Д. Г. Мессершмидта.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСМАТУЛЛА АБДУЛЛАЕВ. ПОЭЗИЯ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ХОРАСАНЕ X — НАЧАЛА XI В.

(Ташкент: Фан УзССР, 1984, 296 с.)

Работа доктора филол. наук И. Абдуллаева — первое крупное исследование на русском языке, посвященное арабоязычной поэзии Средней Азии и Хорасана X—XI вв.

Этому труду предшествовало несколько работ автора на узбекском языке: «Абу Мансур ас-Саолиби» (1972), критическое издание сочинения ас-Са'алиби с переводом на узбекский язык «Иатимат ад-дахр фи махосин ахл ал-аср. Тадқиқ қилувчи, таржимон, изох ва кўрсаткичларни тузувчи Исматулла Абдуллаев» (1976) и др. Они подготовили серьезную базу для данной монографии, посвященной четвертой части антологии ас-Са'алиби «Иатимат ад-дахр...» с привлечением других его трудов, представленных как в рукописях, так и в публикациях. Кроме того, автором использована большая литература на арабском, персидском, таджикском и европейских языках.

Монография состоит из введения, шести глав, заключения и справочного аппарата (указатели имен, географических названий, использованные источники и литература).

Первая глава посвящена жизни и творчеству Абу Мансура ас-Са'алиби (с. 10—31). Используя арабские биографические справочки, сочинения самого ас-Са'алиби, автор воссоздает ту литературную среду, в которой жил и создавал свои труды средневековый литератор и филолог. В работе приведен аннотированный перечень его сочинений (89 названий), 50 из которых подтверждают наличием рукописей; что касается других, то, возможно, многие из них, как считает автор, являются одними и теми же, но известны под разными названиями.

Вторая глава (с. 32—66) представляет собой источниковедческий обзор, в котором раскрываются история написания «Иатимат ад-дахр...», содержание антологии, ее влияние на творчество последующих литераторов, а также характеризуются рукописи сочинений ас-Са'алиби, хранящиеся в Советском Союзе и за рубежом.

Автор высоко оценивает «Иатимат ад-дахр...» как единственный источник, сохранивший в форме антологии памятники арабоязычной литературы народов Средней Азии, Ирана и Афганистана X — начала XI в., отражающий процесс формирования этой литературы, помогающий понять творчество Фирдоуси, персидско-таджикских (Рудаки и др.) и двуязычных поэтов.

Третья глава (с. 67—175) содержит сведения о жизни и творчестве 31 наиболее крупного поэта, в числе которых — Абу Бакр ал-Хорезми (учитель ас-Са'алиби), Абу-л-Фатх ал-Бусти — друг ас-Са'алиби, одинаково хорошо владевший двумя языками — родным и арабским, Абу-л-Фадл ал-Хамадани (автор знаменитых макамов), поэт и философ Абу Наср Фараби, Абу-л-Хусайн ал-Муроди — крупный представитель литературы Мавераннахра, самый близкий друг великого Рудаки, писавший на арабском и таджикском языках, и др.

Четвертая и пятая главы (с. 176—241) посвящены литературным жанрам, формам и изобразительным средствам поэтической речи. Автор, в частности, указывает, что специфические для таджикско-персидской поэзии стихотворные формы в какой-то мере применялись и в арабоязычной поэзии.